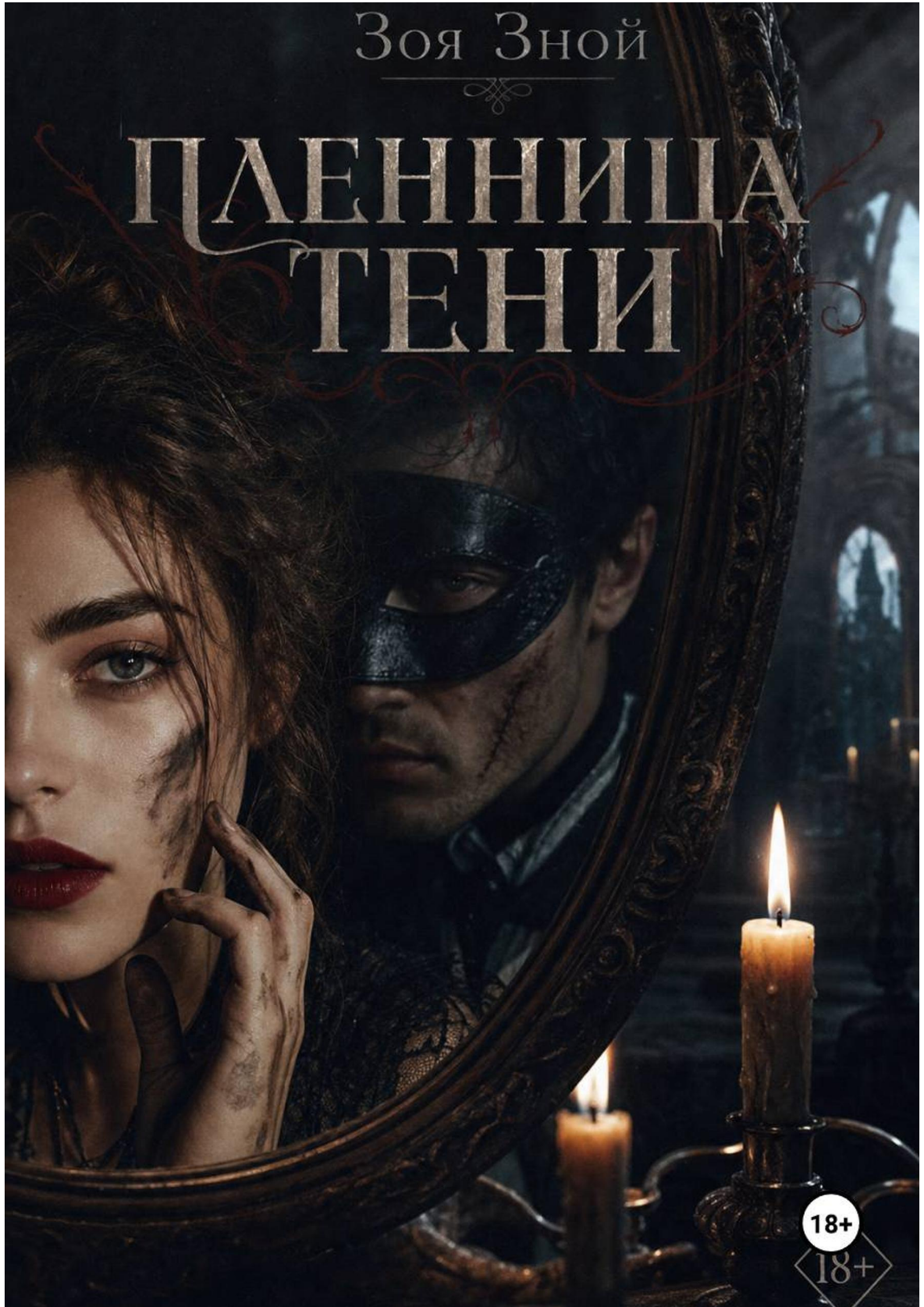

Зоя Зной

ПЛЕННИЦА ТЕНИ

18+

18+

Зоя Зной

Пленница тени

«Автор»

2026

Зной З.

Пленница тени / З. Зной — «Автор», 2026

Лера, 22, рисует чужие сны на заказ и тонет в долгах за обучение. Её останавливают на тракте — не грабители. Слуги чёрного поместья. Хозяин не требует выкупа. Он требует портрет: его лицо, которое она не дочертила тридцать дней назад. Каин Воронцов не выходит днём. Шрам. Маска. Соседи шепчут: монстр. Правило одно: прикосновения — под страхом проклятия. Зато каждую ночь он читает ей вслух у двери башни и спрашивает: «Боишься?» Лера должна бояться. Но между страхом и желанием у неё одна температура — и это страшнее любой сказки. Бал соседей. Охотники на «чудовище». Портрет без глаз, который смотрит туда, где двери нет. Правда о пожаре, сестре и руках, которые он боялся коснуться живой кожи. Лера сжигает картину-ловушку на рассвете — и впервые видит его без маски. «Пленница тени» — готический любовный роман для взрослых: monster romance, плен, власть словом и счастливый конец. От первого лица героини.

© Зной З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1 · Пролог	6
Глава 2 · Дорога	8
Глава 3 · Правила	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пленница тени

Глава

Пленница тени

Зоя Зной

© 2026 Зоя Зной. Текст создан с помощью нейросети с последующей авторской правкой.

18+

Глава 1 · Пролог

Дождь бил по стеклу так, будто дорога — крышка гроба. Я ехал медленно: фары выхватывали обочину, мокрые сосны. Днём из дома не выходил. Ночь — привычка и клетка.

Впереди мигнули аварийки.

Машина стояла косяком, капот приоткрыт. У крыльца — девушка в тонкой куртке, волосы сбились на плечи, одна рука на ручке портфеля. Она звонила. Экран светился — связи нет, сеть здесь умирала ещё до леса.

Я остановился. Пётр знал: не останавливаться на тракте. Я знал тоже. Рука сама потянулась к ручке.

Она подняла голову. Не закричала. Только сжала портфель сильнее — кожа побелела у костяшек.

— Машина... — начала она и осеклась, увидев карету. Чёрная, без герба. — Извините, я ошиблась.

Не ошиблась. Ошиблась я — вышел под дождь.

— Открой, — сказал я Пётру. — Спроси, куда едет.

Она отказалась сесть. Правильно. Я подошёл сам, держа зонт так, чтобы свет фар не лез ей в лицо. Веснушки. Хвост, распущенный от влаги. Пальцы в чёрном — не грязь, тушь.

— В больницу, — сказала наконец. — Отец. Мне нужно...

— Портфель.

— Нет.

Слово вышло быстрее страха. Интереснее страха.

Я не трогал кожу — никогда. Но портфель она поставила на капот сама, когда я попросил «показать работу, не людей». Художница. Так и сказала — сквозь зубы, будто это унижение.

Внутри — мольбертная папка, уголь, обрывки. И портрет. Мужское лицо, почти готово. Скулы, рот, тень на шее. Глаз нет. Два пустых овала, как вырванные окна.

Я смотрел слишком долго. Она заметила.

— Не доделала, — прошептала. — Заказчик исчез. Я...

— Знаю, — сказал я.

Не знал про заказчика. Знал про глаза. Про то, как бумага пахнет недосказанностью.

Дождь затих на секунду. Её машина чихнула последний раз и замерла.

— У вас телефон мёртвый, — сказал я. — До больницы пятнадцать километров. Пешком — до утра.

Она смотрела на карету, на меня, на портрет в моих перчатках. Я не держал его за угол — держал за край, как лист, которому нельзя помять жизнь.

— Вы кто?

— Тот, кому нужно, чтобы вы закончили.

Она отшатнулась — от тона, не от слов.

— Это шутка?

— Нет.

Пётр открыл дверь кареты. Она не двинулась.

— Если откажетесь — останетесь у мёртвого мотора. Если согласитесь — до отца не доезём сегодня. Завтра напишем в больницу сами.

Ложь про «завтра» была мягче правды про башню.

Она вошла в карету, прижимая портфель к груди. Дверь закрылась. В зеркале заднего вида — её профиль: губы сжаты, взгляд в пол.

Я сел напротив. Между нами — расстояние вытянутой руки, которое я не сокращал.

— Имя?

— Лера.

— Каин.

Она кивнула. Не спросила фамилию. Умная.

Дорога к Воронцову заняла час. Она молчала. В башне уже стоял мольберт — портрет без глаз.

Её руки дочертят. Или сойдут с ума, как предыдущий.

Я посмотрел на её пальцы — тушь в лунках ногтей — и пожалел, что не могу проверить это прикосновением.

Глава 2 · Дорога

Счёт за палату отца — девяносто одна тысяча. Я пересчитала трижды, пока медсестра делала вид, что не слышит, как у меня дрожит голос. Папа спал — новый укол, губы сухие, на запястье браслет с чужим именем, не его. Я поцеловала его в лоб и сказала: «Я привезу завтра». Как будто «завтра» у меня было в кармане.

На парковке машина не завелась с пятой попытки. Трое. Потом — с десятой. Щёлкнула зажигалка, мотор кашлянул и умер окончательно, как только я выехала на трассу. Дождь начался на седьмом километре. Телефон показывал одну палочку и потом — ничего.

Я знала, что делаю глупость, когда села в чёрную карету. Знала — и села. Потому что пешком я не успевала, а портфель с заказами — единственное, что ещё можно было продать.

Каин не смотрел на меня. Смотрел в окно, где мельтешили сосны. Высокий. Тёмный костюм, воротник поднят. Перчатки — даже внутри кареты. Голос ровный, без интонации выкупа.

— Вам за меня заплатят?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Закончишь картину.

Я рассмеялась — один короткий выдох, сама испугалась звука.

— Вы похититель, который хочет иллюстрацию?

Он повернул голову. Лицо в полумраке — только линия челюсти и блеск глаз.

— Я хозяин. Ты — в моём доме, пока не дочертишь.

Слово «хозяин» легло на кожу хуже, чем холодное стекло.

Карета свернула с трассы. Впереди — кованые ворота. За ними дом, вырезанный из ночи: острые крыши, башня, в ней один огонь.

— Это не выкуп, — сказала я. — Это тюрьма.

— Это комната, мольберт и еда. — Он наконец отвёл взгляд. — Больше, чем у тебя было на обочине.

Дверь открыли снаружи. Пётр — молчаливый, мокрый до костей — не взял портфель. Не тронул меня. Только кивнул на ступени: поднимайся.

Внутри пахло воском и сырым камнем. Ни звука телевизора, ни смеха. Лестница вела вверх — бесконечная, крутая. На площадке женщина в тёмном фартуке — Марфа, как потом назвала себя — держала свечу.

— Комната готова, — сказала она Каину, не мне.

— Завтра покажешь мастерскую, — бросил он через плечо. — Сегодня — спать.

— Мне нужно позвонить в больницу!

— Завтра.

— Мой отец...

— Завтра напишем. — Тон не изменился. — Или сбежишь в лес. Там волки. Выбирай.

Он ушёл вниз, шаги растворились. Марфа открыла дверь в башне — маленькая комната, кровать с жёстким матрасом, умывальник, окно в решётку. Без замка снаружи. С замком внутри — ключ на гвозде.

— Есть еда, — сказала Марфа и поставила поднос: хлеб, сыр, кружка чая. — Не спускайтесь ночью.

— Почему?

Она посмотрела на лестницу, будто там кто-то стоял.

— Потому что хозяин ходит, когда свет гаснет.

Дверь закрылась. Я прижала ладонь к решётке. Дождь стучал в стекло. Где-то внизу скрипнула дверь.

Я не плакала. Села на кровать, достала телефон — мёртвый. Открыла портфель. Портрет без глаз смотрел на меня из папки, и я подумала: я уже внутри чужого незаконченного рисунка.

Глава 3 · Правила

Утро в башне началось без петухов — с тяжёлой двери внизу. Марфа принесла завтрак и записку на плотной бумаге. Почерк угловатый, мужской: *«В девять. Мастерская. Одна»*. Без подписи. Я знала, чей.

Мастерская пахла льняным маслом и пылью. Окна на север — свет серый, честный. Посредине мольберт. На нём холст: мужское лицо, три четверти, масло, почти живое. Скулы, губы, шея. Вместо глаз — грубый угольный овал, будто кто-то вырезал их ножом.

Рядом стол: уголь, кисти, тряпки, палитра с засохшей краской. Всё готово. Как операционный стол.

Каин стоял у двери — в тени, плечо к косяку. Я узнала его по перчаткам: чёрные, без пуговиц, плотно на запястьях.

— Садись не надо. Смотри. Запоминай.

— Это вы?

На холсте — красивое лицо. Слишком ровное для монстра из деревенских байок.

— Это то, что должно стать правдой, когда ты закончишь. — Он не шагнул в свет. — Ты рисуешь глаза. Только глаза. Остальное не трогать.

— А если не смогу?

— Сможешь. Ты уже оставляла их пустыми на заказе. — Удар в точку. Я не спрашивала, откуда он знает про портфель. — Второе правило. Никаких прикосновений. Ни кожи, ни «случайно». Проклятие не шутка.

— Вы в это верите?

— Я живу в этом доме.

Горло пересохло.

— Третье. Днём я не прихожу. Еда, свет, уголь — через Марфу. Ночью — я могу быть у двери. Ты не выходишь из комнаты после заката.

— Это всё?

— Нет. — Он чуть наклонил голову. — Ты не сбегаешь, пока холст не готов. Отец получит деньги на лечение. Не всю сумму — часть. Каждую неделю — пока рисуешь.

Деньги. Я ненавидела, как быстро живот отпустило от этого слова.

— Сколько недель?

— Сколько нужно.

— А если я откажусь?

Он молчал три удара моего пульса.

— Тогда останешься здесь без сделки. И без телефона. Выбор у тебя был на дороге.

Я сжала пальцы в кулак. Тушь на кутикуле треснула.

— Я не раб.

— Ты художник. — Впервые в голосе — что-то похожее на уважение. Или на приговор. — Работа оплачена. Жильё — башня, вторая комната, не эта. Спишь там. Здесь — только рисуешь.

Он отступил в коридор.

— Каин.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Почему я?

— Потому что ты бросила глаза на полпути. — Тень съела его профиль. — А я не могу жить с половиной лица.

Дверь закрылась. Я осталась одна с холстом без взгляда.

За ширмой — кровать, умывальник. Комната в башне — не метафора.

Вечером Марфа принесла уголь и сказала только:

— Не рисуйте ночью. Он не любит, когда свет горит долго.

Я спросила про отца. Она кивнула: завтра отвезут письмо в больницу.

Я легла в маленькой комнате, слушая ветер в решётке. Где-то внизу, за толстой стеной, скрипнул пол. Шаг. Ещё один. Остановился — будто у лестницы, на которую мне нельзя.

Я закрыла глаза и увидела пустые овалы на холсте. Они ныли, как раны, которые ещё не обработали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.